

Владимир МОРОЗОВ

Владимир Морозов родился в 1958 году в Якутии. В 1980 году закончил геологический факультет Саратовского госуниверситета. Публиковался с 1985 года в журналах «Литературная Грузия», «Новый журнал», «Волга», «Последний экземпляр». Автор книг стихотворений «Холодный воздух» (Саратов: Контрапункт, 1998) и «По дороге к декабрю» (Саратов: Музыка и быт, 2018). Живет в Саратове и Санкт-Петербурге.

ЛЮБИМЫЕ ПТИЦЫ ПРЕДМЕСТИЙ

На тесном дворе обнищавшего царства природы
Стоит неподвижно огромный, как дерево, снег,
А мимо спешат небольшие, в ладонь, пешеходы,
По узким дорогам верша свой предутренний бег.

То слева направо, то справа налево ложится
Почти неразборчивый слабый просвет белизны,
И черных ворон неприятные, грубые лица
Глядят между веток на наши тревожные сны.

Живут в самых разных, порой неприметных, приютах,
Как темные пятна ночных затвердевших следов –
Не верится, что все они оживают под утро,
Взлетая над крышами пятиэтажных домов.

Как холодно нынче! Как много беды и тревоги
Дано пережить нашим теням ночным, а потом –
На корточках сидя грызть мерзлую грязь у дороги,
От зимнего ветра лицо закрывая крылом.

Старость, дикость, запустенье
В нашем парке городском –
Здесь остановилось время
В твёрдом дереве ночном.

Время здесь остановилось,
Как замерзшая листва –
Мы не помним, что случилось
Накануне Рождества.

Под заснеженной скамейкой,
Где ещё не тает лёд,
Воробьиная семейка
Крошки мёрзлые клюёт.

Снег дорожки заметает,
Всё не может перестать...
Нам ничто не помешает,
И не может помешать

Жить на даче, ездить в город,
Нянчить рыжего кота –
Жизнь закончится нескоро,
Или даже никогда.

В сочетаньи движенья и веса
Беспощаден рассеянный свет,
На границе заката и леса
Перспективу сводящий на нет.

Речь идет не о литературе,
А о старых голландских холстах,
Где деревья как будто уснули
С фиолетовым светом в стволах.

Вороватые хитрые дети,
Горожане на черных коньках –
Почему-то подробности эти
Вызывают не радость, а страх.

Остроклювые тонкие ветки,
Корабли чуть поменьше ворон,
И чуть дальше – дома в снежном блеске,
Подпирающие небосклон.

И робеет душа от такого
Беспощадного света в глазах,
Словно бешено и бестолково
Мы скользим по реке на коньках...

Любимые птицы предместий –
Дворов гостевые вороны,
Живущие, словно им ветер
Диктует иные законы.

Свидетели нашего века –
Как будто на белом экране
Мелькает попытка побега
Куда-то, чему нет названья.

Послушайте, не умирайте!
Уйдя – возвращайтесь к нам снова,
И древней оливы не знайте,
И тёмного мёда ночного,

Не знайте ни зла, ни обиды,
Ни марева Летнего сада,
Как будто ещё не убиты
Надежды, и спорить не надо –

Ни хлеба ржаного застолья,
Ни памяти ржавой ограды,
Но только остатки неволи,
Чему вы наверно так рады...

Голоса над бездорожьем,
Посвист вьюги в полутьме –
Очевидно, осторожно
Дело близится к зиме.

Вдоль путей на полустанке
Чуть поблескивает снег,
И везёт с картошкой санки
Незнакомый человек.

Пробегают две собаки
Через привокзальный сквер.
Проступает в полумраке
Толстый милиционер.

Свет ложится осторожно
На вагонное окно...
В этом крае придорожном
Время кончилось давно –

Словно расставаясь с небом
И мерцая на лету
Чья-то жизнь уходит снегом
Сквозь ночную темноту.

1 января

– Не хочется смотреть с балкона вниз,
На серых птиц, застывших у порога,
Особенно сейчас, когда повис
Ночной фонарь над старою дорогой,
Когда опять приходит невпопад
Ненужное желание свободы,

Покуда полуночный снегопад
Скользит по питерскому небосводу...

– Нет ничего, что ты бы мог хотеть,
Особенно сейчас, когда нет света,
И снег в окне мешает разглядеть
Следы и тени небольших предметов.

– Смиренность чувств не значит доброта,
Но лишь неумножение насилия!

– Ты думаешь? Но разве пустота
Не избавление, и мы забыли
Тот постепенно уходящий день,
Сырого снега масляную охру,
И фонаря оранжевую тень
Распластанную на дороге мокрой?

...Так много было сказано потом,
Что свет забыли погасить в прихожей,
Покуда снег шатался за окном,
Как новогодний выпивший прохожий...

– Не говори об этом никому,
Покуда снег летит за занавеской,
Вытягиваясь в длинную струну
И ветру отвечая звуком резким...

От нищеты самоуправства
До самой утренней черты
Лежит зимы холодной царство,
Где жители – лишь я и ты.

Мы ведаем, что не напрасно
Идём по зимнему пути,
Когда холодное пространство
Встаёт, как полдень, впереди.

А, главное, что все понятно:
Жизнь проживая на бегу,
Невольно оставляешь пятна
В ночном нетронutom снегу –

Как будто выстуженным садом,
Полузабытых мест жильцы,
Бредут две наши тени рядом,
Погодки или близнецы...

Конец зимы

– В Саратове – 10, разгар воскресенья,
А в Питере только светает чуть-чуть,
И кажется, нет никакого спасенья
От скверной погоды и прочих причуд

Уставшего времени... Видно, пора мне.
Наверное, так же, в канун темноты,
Уходят из дома и книги и камни,
В пространстве свои оставляя следы.

– Послушай, скажи мне, зачем нам все это?
Сегодня так тихо, а ночью, впотьмах,
Неяркие пятна вишнёвого цвета
Как детские свечки горят в зеркалах!

– Гражданка Картошкина! – в том то и дело,
Что нет на земле ни больных, ни святых,
Что лампа настольная перегорела,
И ветер за окнами, кажется, стих.

На детской площадке у нашего дома
Затихли шаги, не оставив следов,
И ветер несёт по кварталу пустому
Осколки разбившихся вдребезги снов.

Метафизика свободы –
Горечь палого листа...
После солнечной погоды
Наступили холода.

В палисаднике у дома
Ходят с видом знатоков
Недовольные вороны
Католических цветов.

Чтобы спрятать дом от пыли
И дорожной суеты
Мы в ночном ларьке купили
Черно-белые цветы.

Тени их на книжной полке
Отражаются в стекле,
Словно прошлого осколки
На оттаявшей земле,

Где листва сырым железом
Кроет битое стекло,

И в пространстве бестелесном
Наше время истекло.

Чёрные листья на старой поломанной сливе
Тихо звенят. Дует ветер у нас на заливе.

Небо темнеет. Изменится скоро погода.
Ждать до зимы нам осталось примерно полгода.

Жизнь продолжается. Время стоит неподвижно.
Птицы склевали последние сладкие вишни.

Время стоит. Мы летим, мы торопимся, скоро
Станет желтеть редкий лес на краю косогора.

Перед дождем летний сад по-осеннему светел.
Кружит листву никогда не стихающий ветер –

Тихо, на ощупь, несмело, неторопливо...
Тихая жизнь. Вечный ветер над гладью залива.